
ФИЛОСОФИЯ

А. Ф. Оропай

УТОПИЯ В АСПЕКТЕ МОДАЛЬНОСТИ ПРОРОЧЕСТВА И ПРОГНОЗА

Статья посвящена выяснению статуса утопии в ряду профетических и прогностических способов постижения будущего. Утопия понимается как детальное описание соответствующего образа будущего. Автор приходит к выводу, что взятая в таком смысле утопия является специфическим способом связи абстрактных утверждений и конкретных чувственных образов применительно к будущему.

Ключевые слова: будущее, утопия, пророчество, прогноз, предвосхищение.

А. Оропай

UTOPIA IN THE ASPECT OF MODALITY OF PROPHECY AND PROGNOSIS

The article is devoted to clarifying the status of Utopia in a series of prophetic and prognostic ways of understanding the future. Utopia is understood as a detailed description of the vision of the future. A conclusion is made that Utopia is a specific way of connection of abstract propositions and concrete sense images relating to the future.

Keywords: future, Utopia, prophecy, prognosis, anticipation.

Слово утопия (в наиболее распространённом переводе с греческого — место, которого нет) имеет множество смыслов. Наиболее известными представляются следующие: а) некая идеализированная в познавательных целях реальность, например, лапласовская «детерминистическая утопия», в которой утверждается однозначная связь проистекающих из прошлого причин и направленных в будущее действий; б) некое оторванное от реальности мечтание, приносящее неисчислимые бедствия при попытке его осуществления; в) общественный суперпроект, который в принципе может и осуществиться («воплощённая утопия» — оксюморон, широко используемый с лёгкой руки

Ж. Бодрийара [3, с. 149]). Во втором и третьем вариантах смысл термина очевидно связан с образом будущего, причём во втором случае смысл термина явно негативный.

Представляет интерес рассмотрение утопии не со стороны содержания, а со стороны литературной формы. В ней могут выражаться как прогностические, так и пророческие (профетические) образы будущего. При этом, разумеется, указанные образы имеют, помимо прочих, и литературно-художественные выражения. Не случайно утопия создателя самого этого термина Томаса Мора, при всей её социально-философской насыщенности, была художественным произведением.

Термин «художественный профетизм» вошёл в научный лексикон. Например, Т. Б. Кудряшова определяет этот термин как «сочетание способности к пророчеству и достаточной художественной одаренности, талантливости или, возможно, гениальности» [11, с. 168]. С этим можно было бы согласиться, если бы выше в той же работе термин «профетизм» не сближался бы по смыслу с «прогнозированием» [11, с. 168]. Думается, между ними — принципиальная разница: в гносеологическом отношении профетизм принадлежит к вненаучному познанию, тогда как прогнозирование тяготеет к научному. Прогнозирование, по мнению И. А. Асеевой, «имеет в качестве источника знаний о будущем рациональную, интеллектуальную обработку информации» [2, с. 32]. Человек, осуществляющий прогноз, «имеет в своем распоряжении реальные, конкретные данные, связь которых с будущим событием может быть не очевидной для остальных людей, и владеет средствами их обработки, результатом чего и является сам прогноз» [11, с. 168]. Впрочем, в противопоставлении прогноза и профетизма И. А. Асеева впадает в известную крайность: «В отличие от прогнозировать, глаголы пророчествовать и прорицать предполагают мистическое, сверхъестественное получение знаний о будущем» [2, с. 32]. Действительно, слова «пророк», «пророчество» имеют фиксированный религиозно-мистический смысл. В «Толковом словаре» В. Даля слово «пророк» толкуется как тот, «кому дан свыше дар провиденья, или прямой дар бессознательного, но верного прорицания; одаренный Богом провозвестник, кому дано откровение будущего». Думается, однако, что для столь узкого толкования нет оснований. Пророчество — явление не только религиозной, но и светской литературной жизни.

Термины «предсказание» и «предвидение» в этом отношении выступают как нейтральные, применимые как к прогностическим, так и к профетическим феноменам. Французский атеистический экзистенциалист А. Камю разделяет предсказание и пророчество в том смысле, что «предсказания были рассчитаны на ближайшее будущее и могли подвергнуться проверке», тогда как

«пророчества, относящиеся к отдаленному будущему, обладали тем самым преимуществом, которое обеспечивает незыблемость религий: их невозможно подтвердить» [10, с. 265]. В том, что пророчество относится к будущему особого рода, есть свой резон. Однако, думается, если бы пророчества не находили никакого подтверждения, они не были бы значительными явлениями духовной культуры. Различие предсказания и пророчества можно усмотреть в другом. Первое непременно предполагает вербальную форму выражения, второе же может быть выражено многообразными способами. Например, картины И. Левитана «Владимирка» и М. Нестерова «Философы» справедливо называют «пророческими», но уж никак не «предсказательными». Словесно выраженная «мораль» совсем не обязательна для пророчества, тем более относящегося к литературному (художественному) профетизму. В утопии же словесная выразительность непременно наличествует.

В этой связи представляется не вполне оправданным, как это делает В. В. Ильин, выделение в предвосхищении будущего трех «известных модусов» — пророчества, утопии и прогноза [9, с. 151]. В таком членении просматривается некоторая смысловая «унификация». В действительности же, как нам кажется, утопия сама может рассматриваться в аспекте модальности пророчества и прогноза. Характеристика утопической деятельности как «перекрывающее несостоятельность, неосновательность существующего воображение, влекущее некое видение предстоящего» [9, с. 151], вполне применима и к пророчеству. Специфика утопии — в особой литературной форме, в которой выражается образ будущего, предполагающей подробную проработку последнего. Именно таким образом утопия представлена у её литературного «крёстного отца» Т. Мора. У Аристотеля место («топос») неотделимо от предмета. В соответствии с таким пониманием и утопия — не фиктивное пустое пространство, лишённое определённости, а предметное описание того, чего нет.

Поэтому утопия (антиутопия) может иметь как пророческую, так и прогностическую содержательную природу. Например, в «Новой

Атлантиде» Ф. Бэкона и в «Телематическом обществе» Дж. Мартина [12] изображаются утопические картины некоего грядущего «общества знания», однако источники такого изображения принципиально различны. Метафора зеркала со времён того же Ф. Бэкона традиционно применяется к гносеологической сфере. Например, в отношении к прогнозированию в публицистике довольно часто используется выражение «будущее в зеркале футурологии». Однако французский философ-структуралист М. Фуко использовал данную метафору в отношении к утопии: «Зеркало в конечном счёте есть утопия. В зеркале я вижу себя там, где меня нет, в нереальном пространстве, виртуально открывающемся за поверхностью...» [18, с. 195]. Амбивалентность метафоры зеркала вполне понятна: в зеркальном изображении можно акцентировать как реальность его, так и «нереальность». Но детальность в изображении обязательна. Как пророчество, так и прогноз стремятся к образному и понятийному выражению «того, чего нет», но формы этого выражения могут быть различными. Пророчество, разумеется, в отношении таких форм располагает большим, чем прогноз, разнообразием. «Научный» статус прогноза накладывает соответствующие ограничения. Но эти ограничения вовсе не исключают привлечения утопической формы.

Термин «предвосхищение» («антиципация») выступает как обобщающий, объединяющий не только субъективные моменты связи человека и будущего (научные и вне-научные формы предвидения, эвристику, целеполагание и т. п.), но и объективное присутствие будущего в настоящем. Приведём пример такого присутствия.

В начале 80-х гг. прошлого века в тогдашней «Комсомольской правде» был напечатан удивительный материал. Некая пожилая дама из приволжского городка придумала себе умершего состоятельного дядюшку и под предлогом сбора суммы налога на наследство мошеннически выманивала деньги у доверчивых жителей под обещание рассчитаться тогдашним дефицитом — автомобилями, коврами, драгметаллами и проч. И многие жители совершенно добровольно несли ей свои трудовые накопления. Автор

этих строк, помнится, пожал плечами, прочитав статью: бывает же такое... А ведь это было предвосхищение, или, выражаясь словами американского писателя О. Генри, «визитная карточка» будущего! Через десять лет миллионы российских граждан превратились в невольных строителей финансовых пирамид и также совершенно добровольно отдали свои ваучеры и сбережения под обещания сверхвысоких дивидендов. В сознании народных масс, разуверившихся во всём, всплыла атавистическая связка «богатый человек — благодетель». Этим впоследствии и воспользовались проходимцы типа С. Мавроди с его печально знаменитой фирмой «МММ», чей рекламный слоган «мы заработали деньги для себя, сумеем заработать и для вас» напрямую апеллирует к указанной связке. Как справедливо отмечал русский философ культуры Вяч. И. Иванов, «мировые события... бросают вперед свои тени, идя на землю» [8, с. 361].

Справедливо отмечается, что художественная литература обладает умением «улавливать еще только нарождающееся, невидимое; выявлять возможный модус бытия в складывающейся социоисторической, политической ситуации» [4]. Действительно, писатели зачастую обладают поразительным чутьем на будущие свершения, причем не обязательно даже социального порядка. Например, российский ученый и философ П. А. Флоренский считал образ космического пространства в «Божественной комедии» Данте предвосхищением современных физических неевклидовых представлений [17, с. 46], а польский писатель и литературовед Ян Парандовский так характеризовал время в мире, сконструированном в романтической поэзии: «Это иной мир, нежели тот, где неизменно среда наступает после вторника, а обед после завтрака. И может быть, в будущем столетии окажется, что понятие времени как четвёртого измерения физики XX века создали под влиянием поэтов» [13, с. 240].

Несомненно, интуитивное «угадывание» присуще литературному профетизму, но его не следует сводить к тем или иным догадкам относительно будущего. Художественный пророк, и это роднит его с пророком религиозным, прежде всего отличается более

или менее явно выраженным негативным отношением к настоящему, к наличному состоянию дел. Будущее же в профетизме присутствует как временной «резервуар» для осуществления позитивных идей. Прошлого уже нет, настоящее, как выше отмечалось, для пророка в той или иной степени не приемлемо, с необходимостью остаётся только будущее. Никаких фиксированных хронометрических рамок такое будущее, разумеется, не имеет. На вопросы «что» и «где» пророчество даёт те или иные ответы, однако на вопрос «когда» оно, в отличие от прогноза, ответов не даёт принципиально.

Собственно говоря, писателю, как и всякому человеку, не заказана дорога в область прогнозирования (как и в область религиозного проповедничества). Не случайно в литературоведении широко используются термины «роман-прогноз» и «футурологический роман». Писатель, то ли от своего имени, то ли от имени своего «лирического героя», основываясь на собственном жизненном опыте, на понимании им исторических тенденций, способен рисовать образы будущего и при этом стяжать лавры «литературного пророка». Такое обыденное понимание литературного пророчества нуждается в уточнении. Имеет место неоправданно широкое употребление термина «прогноз». Дело дошло до того, что мрачные прорицания Мишеля Нострадамуса всё чаще именуются прогнозами, хотя, как справедливо отмечает исследователь творчества указанного прорицателя А. Пензенский, в русском словоупотреблении «слово “пророчество” имеет внелогический, мистический оттенок, тогда как «прогноз» значит «основанное на специальном рациональном, научном исследовании заключение о предстоящем развитии и исходе чего-либо» [14, с. 69]. Например, М. К. Петров пророчества Колхаса из «Илиады» и Алиферса из «Одиссеи» называет античными прогнозами [15, с. 229–231], хотя ещё в античности эти понятия различались. Так, например, Гиппократу приписывают утверждение: «Медицина и пророчество — близкие родственники, потому что Аполлон, общий отец этих искусств, — также наш предок, ведающий болезнями, которые есть и которые будут, исцеляющий нынешних

больных и больных будущих» [7, с. 11]. Однако это «не согласуется с древними трактатами Гиппократа, где медицинский прогноз основывается только на наблюдении и здравом смысле, и ничего не сказано об Аполлоновом пророчестве» [7, с. 11]. Так, в своем трактате «Прогностика» Гиппократ «говорит обо всех признаках, которые должен учитывать врач в случае острых болезней, чтобы сделать по возможности самый верный прогноз о развитии и исходе болезни» [7, с. 448]. То, что знаменитый гиппократовский термин «лик умирающего» (*Facies Hippocratica*) из «Прогностики» со временем превратился в профетическую метафору, не отменяет его первоначального прогностического статуса.

Однако имеется и тенденция относить к разряду «литературных пророков» всех без разбору, лишь бы в произведениях фиксировались какого-либо рода предсказания или предчувствия. Особо «повезло» в этом отношении писателям-фантастам, описавшим научно-технические новинки задолго до их свершения, как, например, Жюль Верн, Герберт Уэллс или Артур Кларк. Авторы прогностической книги «Россия и мир. Новая эпоха», напротив, относят подобных «пророков» к «литературным прогнозистам»: «В отдельную подгруппу литературного прогнозирования можно выделить научную фантастику XIX — второй половины XX в. Классическими фантастами-прогнозистами принято считать Ж. Верна и Г. Уэллса. Первый работал в естественнонаучной позитивистской парадигме XIX столетия, его предсказания были ограничены сугубо технической сферой. Второй обратился к социальной прогностике, но даром глубокого предвидения не отличался, хотя многие его работы продолжают косвенно цитироваться в современной литературе» [16, с. 14]. Данная терминологическая чересполосица имеет под собой серьезное эпистемологическое основание. Вряд ли можно провести резкую грань между прогностическими и пророческими элементами в писательском творчестве, оно неделимо по определению. Однако представление о различии прогноза и пророчества должно быть достаточно четким. Первый — основывается на опыте настоящего и прошлого, на вычленении некоторой

последовательности в событиях, которая проецируется в будущее. Что же касается пророчества, то оно основано на иных принципах (отсюда такая нелюбовь к пророчествам со стороны сциентистски мыслящих философов вроде К. Р. Поппера).

Кроме того, можно отметить, что прогнозирование непременно включено в некоторую более или менее обширную систему управления, предполагающую как вертикальные, так и горизонтальные связи. Например, на белорусском телевидении при сообщениях о погоде принято указывать «партнера прогноза» (на отечественном телевидении в таком случае часто указывают «спонсора»).

Пример прогностической практики в литературной области являет военный аналитик, писатель и публицист Э. Генри (С. Н. Ростовский), автор известной в свое время книги «Гитлер против СССР», в которой описан вероятный сценарий войны между фашистской Германией и Советским Союзом. В книге имеются и удивительные совпадения с действительными последующими событиями, и значительные расхождения. К первым можно отнести предсказание героической обороны Ленинграда, того, что «именно этот “ленинградский объект” окажется для фашистского противника обжигающим, как лава Кракатау» [5, с. 461]. К числу очевидных расхождений относится утверждение о том, что в заключительный период войны в Германии произойдет антифашистская революция и «немецкий народ, приведённый Гитлером на край пропасти; народ, у которого под угрозу поставлено не только политическое и экономическое, но и его физическое существование, восстанет, как в 1918 г.; но на этот раз он будет более энергичным и могучим» [5, с. 464]. Здесь очевидно неверное использование аналогий, которое американский биолог и историк Дж. Даймонд считает одной из причин провалов в социальном предвидении [6, с. 587–588]. Тем не менее, как считается, многие прогнозы Э. Генри были использованы советским руководством при планировании военных и политических акций 1939–1940 гг., направленных на ослабление или нейтрализацию вероятных союзников Германии

(Польши, Румынии, стран Прибалтики и Финляндии) и на перемещение государственной границы в западном направлении. Книга издавалась в СССР в 1937 и 1938 гг., а также (в сокращении) — в 1941 г. В последнем случае издание очевидно преследовало не военно-футурологические, а чисто идеологические цели. В любом случае, значимость данного прогностического документа в реальной управленческой практике неоспорима. Данное произведение вполне может быть охарактеризовано как «утопия победы», хотя содержание его было вполне прогностическим.

Хотя словосочетание «партнёр (или спонсор) пророчества» звучало бы нелепо, но и пророческая деятельность, в зависимости от её конкретного содержания и социально-политической обстановки, вполне может быть вписана в соответствующую систему социального управления, а следовательно, предполагать и определённого рода «спонсорство». Например, в России в военном 1915 г. широко пропагандировались прорицания на текущий и последующие годы популярного тогда пророка-эзотерика Чеслава Чинского. Относительно России на 1915 г. предсказывалось следующее: «Россия-победительница приобретает Галицию, герцогство Краковское, Силезию, часть Восточной Пруссии... Приобретения в Закавказье. <...> Господство на Чёрном море, в Дарданеллах и Босфоре. Христианская церковь приобретает прежние права в Константинополе и т. п.» [1, с. 8]. Политический заказ со стороны тогдашнего руководства России и других стран Антанты на подобные прорицания очевиден. Здесь также наличествует «утопия победы», хотя источники её — явно не аналитико-прогностические.

Для нас актуально, что утопические формы описания будущего (в каком бы варианте они ни осуществлялись) актуализируются в определенные исторические периоды.

Помнится, когда автор этой статьи в начале 60-х гг. вступал в пионерскую организацию, соседи по квартире подарили ему книжку, авторство и название которой забылись, но несколько строк в памяти сохранилось: «Нету медяков, /Нету пятаков./

Рубль попрощался / И был таков! / Нету медяков, / Нету пятаков. / Во всей стране не стало обычных кошельков. / Икра бесплатно. / Игра бесплатно. / За мясо не платите, / Просто заверните. / Всё бесплатно? / Невероятно!». Данный отрывок из детской книжки иллюстрирует второй (первый относился к двадцатым годам XX в.) всплеск интереса в советской литературе к утопической проработке образа будущего. Это «второе пришествие» утопизма приходится на период хрущёвской оттепели. «Туманность Андромеды» И. Ефремова для взрослых и «Незнайка в Солнечном городе» Н. Носова для детей — наиболее известные утопии той поры. Больше таких всплесков в позднейшей советской истории не наблюдалось. Причина этого вряд ли может быть сугубо идеологической (социалистическое учение, «развитое», по известному выражению Ф. Энгельса, «от утопии к науке», по определению, должно было бы отторгать свои идейно «неразвитые» формы). Причина носит скорее политический характер. Советское руководство, обжёгшись на «неоправданной детализации» Программы КПСС 1961 г., по своему уяснило истину о том, что «дьявол сидит в подробностях». Подробности же непременно наличествуют в утопических описаниях в интересующем нас смысле. Именно поэтому указанные описания и стали неуместными. Господствующая в брежневское время концепция «развитого социализма» ориентировалась в большей степени на оппортунистический лозунг «движение — всё, конечная цель — ничто», нежели на футуристический: «вперёд к светлому будущему». Элементы условного будущего («коммунистический труд», «коммунистическая

мораль» и т. п. привлеклись по мере необходимости для нужд текущих дел и в конце концов «растворились» в настоящем. Напротив, в период военного коммунизма (1918–1921) — наиболее «утопический» период советской истории — интерес к утопической литературе был значительным, даже идеи платоновского «Государства» считались конгениальными потребностям новых вождей в их стремлениях построить новое общество.

В. В. Ильин называет утопии «невнятными», что в интересующем нас аспекте представляется совершенно неверным. Здесь смешивается гносеологическая истинность и стилистическая внятность. «Шахматную утопию» Остапа Бендера из «Двенадцати стульев», при всей её абсурдности, не назовёшь невнятной. Внятность утопии может играть как отрицательную, так и положительную социальную роль. Именно отмеченная нами черта утопий, заключающаяся в непрерывной детализации картин будущего, как это ни парадоксально, позволяет осуществить — в проекции на будущее, которое так или иначе станет настоящим — связь мира абстракций (в котором зачастую пребывают сильные мира сего, претендующие на «управление будущим») с миром наглядных чувственных образов. Можно сколь угодно долго рассуждать о «процентах приватизации», о её экономической эффективности и справедливости и прочих отвлечённых вещах, но стоит подключить (оплошность Чубайса?) утопическую деталь о «двух автомобилях на один ваучер», — и картина для широкой публики приобретает более реальные очертания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аркадьев А., Намтурк Г.* Когда окончится война и что будет после войны. Составлено по предсказанию известного вещателя Ч. И. Чинского... Екатеринбург: Л. Ю. Крупман, 1915. 14 с.
2. *Асеева И. А.* Рациональные и иррациональные аспекты обыденного предвосхищения // *Философские науки*. 2004. № 9. С. 30–44.
3. *Бодрийар Ж.* Америка. СПб.: Владимир Даль, 2000. 204 с.
4. *Большакова А.* Властители дум или пасынки рынка? // *Литературная газета*. 2007. № 20.
5. *Генри Э.* Гитлер над Европой? Гитлер против СССР. М.: ИПЦ «Русский раритет», 2004. 488 с.
6. *Даймонд Дж.* Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 762 с.

7. Жуана Ж. Гиппократ. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. 480 с.
8. Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
9. Ильин В. В. О статусе предвидения // *Философия и современность* / Под общ. ред. Л. И. Панковой, Г. М. Пономарёвой. М.: Профиздат, 2009. С. 151–160.
10. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
11. Кудряшова Т. Б. Художественный профетизм // *Онтология возможных миров в контекстах классической и неклассической рациональности*. СПб.: 2001. 340 с.
12. Мартин Дж. Телематическое общество. Вызов ближайшего будущего // *Новая технократическая волна на Западе* / Сост. П. С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986.
13. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни. М.: Правда, 1990. 650 с.
14. Пензенский А. А. Нострадамус: миф или реальность М.: Эксмо, 2004. 448 с.
15. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 195 с.
16. Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. С. А. Караганов. М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. 444 с.
17. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М.: Лазурь, 1991. 96 с.
18. Фуко М. Другие пространства // *Интеллектуалы и власть*. М.: Практикс, 2006. С. 191–204.

REFERENCES

1. Arkad'ev A., Nampurk G. *Kogda okonchitsja vojna i chto budet posle vojny*. Sostavleno po predskazaniju izvestnogo veshchatelja Ch. I. Chinskogo... Ekaterinoslav: L. Ju. Krupman, 1915. 14 s.
2. Aseeva I. A. Racional'nye i irracional'nye aspekty obydenogo predvoshishchenija // *Filosofskie nauki*. 2004. № 9. S. 30–44.
3. Bodrijar Zh. *Amerika*. SPb.: Vladimir Dal', 2000. 204 s.
4. Bol'shakova A. Vlastiteli dum ili pasynki rynka? // *Literaturnaja gazeta*. 2007. № 20.
5. Genri Je. *Gitler nad Evropoj? Gitler protiv SSSR*. М.: IPC «Russkij raritet», 2004. 488 s.
6. Dajmond Dzh. *Kollaps*. Pochemu odni obshchestva vyzhivajut, a drugie umirajut. М.: AST: AST MOSKVA, 2008. 762 s.
7. Zhuana Zh. *Gippokrat*. Rostov n/D.: Feniks, 1997. 480 s.
8. Ivanov Vjach. I. *Rodnoe i vselenskoe*. М.: Respublika, 1994. 428 s.
9. Il'in V. V. *O statuse predvidenija //Filosofija i sovremennost'* / Pod obshch. red. L. I. Pankovoj, G. M. Ponomarjovoj. М.: Profizdat, 2009. S. 151–160.
10. Kamju A. *Buntujushchij chelovek*. Filosofija. Politika. Iskusstvo. М.: Politizdat, 1990. 415 s.
11. Kudrjashova T. B. *Hudozhestvennyj profetizm // Ontologija vozmozhnyh mirov v kontekstah klassicheskoj i neklassicheskoj racional'nosti*. SPb.: 2001. 340 s.
12. Martin Dzh. *Telematicheskoe obshchestvo*. Vyzov blizhajshego budushchego // *Novaja tehnokraticheskaja volna na Zapade* / Sost. P. S. Gurevich. М.: Progress, 1986.
13. Parandovskij Ja. *Alhimija slova*. Petrarka. Korol' zhizni. М.: Pravda, 1990. 650 s.
14. Penzenskij A. A. *Nostradamus: mif ili real'nost'*. М.: Eksmo, 2004. 448 s.
15. Petrov M. K. *Iskusstvo i nauka*. Piraty Egejskogo morja i lichnost'. М.: ROSSPEN, 1995. 195 s.
16. Rossija i mir. *Novaja epoha*. 12 let, kotorye mogut vse izmenit' / Отв. ред. S. A. Karaganov. М.: AST: Rus'-Olimp, 2008. 444 s.
17. Florenskij P. A. *Mnimosti v geometrii*. М.: Lazur', 1991. 96 s.
18. Fuko M. *Drugie prostranstva // Intellektualy i vlast'*. М.: Praxis, 2006. S. 191–204.

Н. С. Бирюкова

MEDIEN-ОБРАЗОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Автором предложена гуманистическая концепция Medien-образования. Автор исходит в попытке сформировать ее основания из того, что состояние образования во многом определяется механизмами языковой коммуникации, которые иницируют развитие massenmedien.

Ключевые слова: Medien-образование, субъект культуры, университетское образование, феномен massenmedien, образовательное пространство, информационные каналы.